

О. В. ОРЛИК

СЕРГЕЙ ПОЛТОРАЦКИЙ — УЧАСТНИК ФРАНЦУЗСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ XIX ВЕКА

«Кажется, ты взял абонемент на все парижские революции и празднуешь все те, которые совершаются в наше время»¹, — писал П. А. Вяземский в апреле 1871 г. в Париж известному в России и за границей журналисту, библиографу и библиофилу Сергею Дмитриевичу Полторацкому. Здесь кратко, но образно отражена удивительная судьба этого человека — не только очевидца июльской революции 1830 г., февральской 1848 г., революции 4 сентября 1870 г. и, наконец, Парижской коммуны, но и участника некоторых из них. Среди немногих известных имен русских свидетелей этих революций, имя С. Д. Полторацкого (1803—1884) оказалось почти забытым². А ведь он был среди прогрессивных деятелей России, вероятно, почти единственным свидетелем всех названных революций во Франции.

Человек широко эрудированный³, Полторацкий получил образование сначала в одесском Ришельевском лицее, а затем в московской военной Школе колонновожатых (окончил Школу в 1823 г.), которая была основана Н. Н. Муравьевым, отцом будущих декабристов, Александра и Михаила Муравьевых. Позднее на ее базе возникла Академия Генерального штаба. С. Д. Полторацкий еще в 20-х годах в оппозиционных кругах русского общества слыл вольнодумцем. Его вольнолюбивые взгляды крепили под влиянием настроений, бытовавших в Школе, где одновременно с Полторацким учились и его друзья — некоторые будущие декабристы. Большое влияние оказала на него также дружба с А. С. Пушкиным, упрочившаяся в тяжелые годы после потери многих друзей-декабристов. В молодости он дружил с П. А. Вяземским, С. А. Соболевским, переписывался с Н. И. Тургеневым, П. А. Чаадаевым⁴.

К тому времени у Полторацкого сложилось отрицательное отношение к самодержавно-крепостническим порядкам в России, проявился интерес к национально-освободительным движениям в Европе и Латинской Америке, особенно к героической деятельности Симона Боливара, а также к политической и классовой борьбе во Франции —

¹ «Новь», 1885, № 9, стр. 94.

² См., например, S. M. Q u é r a r d. Notice sur m-r Serge Poltoratzky, bibliophile et bibliographe russe... Paris, 1854; «Исторический вестник», 1884, т. 16; «Библиографические записки», 1892, № 1. В них рассматривается деятельность С. Д. Полторацкого как литератора и библиографа. Его политические взгляды и тем более восприятие революционных событий во Франции не освещаются. В работе советского исследователя В. Орлова «Пути и судьбы» (М. — Л., 1963) приведены некоторые сведения о его политических воззрениях, но лишь упоминается, что он был участником революции 1830 г. и очевидцем 1871 г.

³ Он владел знаменитой Авчуриной (по родовому имени Полторацких) библиотекой, основанной в XVIII в. его дедом (известным купцом-библиофилом П. К. Хлебниковым), которая долгое время была уникальным по размерам и составу частным книжным собранием в России. В 1860-е годы большая его часть была приобретена Румянцевским музеем и вошла впоследствии в фонды Всесоюзной государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

⁴ Подробнее об этом см. В. В. Крамер. С. Д. Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина. — «Временник пушкинской комиссии. 1967—1968» Л. 1970, стр. 58—75.

стране, с которой тесно переплелись его судьба, думы, чаяния, надежды. Интерес к Франции — широко распространенное явление среди прогрессивно настроенной интеллигенции России. Как объяснял П. А. Вяземский, один из образованнейших людей своего времени, он определялся не случайностью воспитания или житейской обстановкой, а был связан «с причинами более глубокими, более существенными, сближающими русских людей с французскими». Необходимость ликвидации крепостнического строя, т. е. осуществление задач, сходных с теми, что стояли перед Францией накануне буржуазной революции конца XVIII в., стимулировала в кругах передовой России внимание к Франции.

Прослужив некоторое время прапорщиком в свите Александра I, а затем поручиком в Киевском гренадерском полку, Полторацкий в 1827 г. вышел в отставку. Гнетущая атмосфера николаевской армии вызывала в нем протест, усиленный к тому же начавшимися преследованиями со стороны III отделения, которым он подвергался за связи с передовыми деятелями Франции, а также за статьи, опубликованные во французской прессе⁵. Наиболее тесные контакты он установил с журналом «Revue encyclopédique», издававшимся М.-А. Жюльеном. Этот журнал уделял значительное внимание культурной и общественно-политической жизни России.

Полторацкий много писал в нем о современной русской литературе, все определеннее становившейся выразительницей передовых идей. Он высоко оценил свободлюбивые, антикрепостнические мотивы поэзии Пушкина, с восхищением писал о стихотворениях «Деревня» и «Вольность», выражающих надежды поэта на «прекрасную зарю свободы»⁶. В 1824 г. в «Revue encyclopédique» появилась его информация о «Полярной звезде», издававшейся декабристами А. Бестужевым и К. Рылевым. Автор с симпатией отмечал это издание «молодых талантливых литераторов», которые были уже известны читателям по альманаху 1823 г. и по ряду их произведений. Отмечая высокую идейность и богатство содержания первого выпуска «Полярной звезды», Полторацкий подчеркивал, что альманах вызвал «благожелательный прием... у публики», который «окрылил их продолжать это издание»⁷.

В том же 1824 г. журнал напечатал обозрение С. Д. Полторацкого о работе в России школ взаимного обучения. Эти школы, основанные при содействии декабриста М. Ф. Орлова и С. И. Тургенева еще в 1816 г. в Париже, в дальнейшем возникли и в России. С удовлетворением отмечал Полторацкий, что «прекрасный метод взаимного обучения не представляется сегодня спорным для передовых умов. Достижением для России, а для всего человечества утешением, является то, что увеличивается год от года в этой стране число полезных начинаний и растет число людей, способных служить делу прогресса и цивилизации»⁸. В обстановке растущей реакции такие высказывания Полторацкого не могли остаться не замеченными царской цензурой. Все это усиливало подозрения III отделения. В отчете III отделения за 1827 г. в разделе «О московских настроениях» управляющий делами отделения М. Фок называл Полторацкого одним из вожakov «истинно бешеных либералов»⁹.

Уйдя в 1827 г. в отставку, Полторацкий почти полвека посвятил журналистской деятельности¹⁰. Через всю жизнь пронес он любовь к русской литературе, много писал о ее связи с культурой других стран, особенно Франции. В течение многих лет Полторацкий занимался подготовкой обширного труда по истории изучения, издания и перевода трудов Вольтера в России, активно пропагандировал на Западе творчество выдающихся русских писателей, пополнял и систематизировал свою библиотеку. Но он не стоял в стороне и от острых социально-политических проблем, волновавших как его родину, так и всю Европу. Об этом свидетельствуют статьи, написанные им для французской прессы, его участие в «Полярной звезде» Герцена, тайным корреспон-

⁵ Статьи Полторацкого в большинстве не подписаны. Они частично учтены в «Table décennale de la Revue encyclopédique 1819—1829» par P. A. M. Miger, t. 2. Paris, 1831, p. 371—374.

⁶ «Revue encyclopédique», t. 22. Paris, 1824, p. 385; t. 23, p. 644; см. также «Литературное наследство», т. 58, М., 1952, стр. 299—300.

⁷ «Revue encyclopédique», t. 23, p. 643.

⁸ Ibid., t. 22, p. 480.

⁹ «Русская старина», январь 1902, стр. 34.

¹⁰ Попытки заняться рациональным хозяйствованием в родовом имении Авчурино оказались неудачными и весьма разорительными.

дентом которой он был ¹¹, связи с русской, польской, бельгийской эмиграцией, с передовыми деятелями Франции и, конечно, его отношение к революциям в этой стране.

Среди материалов о революциях XIX в. во Франции, сохранившихся в архивных фондах Полторацкого, особенно ценны те, которые раскрывают картину революционной борьбы в Париже, показывают роль народа Франции в развитии революционных событий в различные исторические эпохи. Большой интерес представляют прежде всего письма Полторацкого. До нас дошла, видимо, только часть обширной его заграничной переписки с друзьями из России. Многие письма примечательны тем, что являются своеобразной обстоятельной информацией о важнейших событиях не только во Франции, но и в ряде других стран Западной Европы. Десятки писем периода 1848—1849 гг., написанные им из Франции, Германии, Швейцарии, по просьбе Полторацкого были сохранены их получателями и впоследствии возвращены ему. В этих письмах, а также в его записных книжках, отрывочных дневниковых заметках, черновых набросках статей содержатся интересные сведения о ходе революционной борьбы и о восприятии ее самим автором.

Впервые Полторацкий попал во Францию в 1830 г., преодолев препятствия, намеренно создаваемые царским правительством. Ему удалось получить разрешение пробыть там полтора — два года. В эту страну его влекло не только желание изучить ее культурное богатство, упрочить и расширить личные контакты с французскими прогрессивными деятелями, связи в журналистских кругах, но также стремление понять, осмыслить характер происходивших общественно-политических событий, представить на их основе перспективы европейского развития в дальнейшем.

Полторацкий прибыл в страну в июле, всего за несколько дней до начала буржуазной революции 1830 г. В эти дни С. Д. Полторацкий вместе с некоторыми соотечественниками принимал участие в народных манифестациях и «революционных заявлениях», призывал народ бороться до победы и вступил затем во французскую Национальную гвардию под командованием Лафайета ¹². Высоко оценивая внутреннее и международное значение победы этой революции, он писал 3 августа 1830 г. французскому журналисту Фредерику Дежоржу: «Я не мог удержаться, чтобы не поздравить Вас от всей души с блестящим и величественным триумфом, который только что одержала Ваша прекрасная нация. Какие замечательные страницы Вашей истории!» ¹³.

Полторацкому в известной мере удалось скрыть от «всевидающего ока» III отделения свое участие в революции. В жандармском отчете Николаю I за 1830 г. его имя упоминается среди русских, «присоединившихся к парижским революционерам» ¹⁴. Там же отмечалось, что его революционные настроения сложились еще в России и что он был дружен с Пушкиным. Нозаведенное на него дело за недостаточностью сведений было приостановлено. Это спасло его от ссылки или солдатчины; он был взят только под тайный надзор полиции и оставался во Франции до 1832 г. Об участии Полторацкого в революции в Париже знали Н. А. и К. А. Полевые, П. А. Вяземский, А. Я. Булгаков. Об этом свидетельствуют заметки в их письмах и дневниках. Однако, по всей вероятности, репрессивные меры Николая I в начале 30-х годов заставили уничтожить те материалы, которые могли бы подробно осветить деятельность Полторацкого и тем самым скомпрометировать и их самих. Тем более, что III отделение все же начало «дело» Полторацкого. Отдельные сохранившиеся документы дали возможность узнать об участии Полторацкого в июльских событиях 1830 г. О вступлении Полторацкого в Национальную гвардию писал, например, 25 ноября 1830 г. А. Я. Булгаков своему брату в Петербург: «Нет, каков маленький Сергей Полторацкий в Париже!... Он держал речь, ораторствовал и вошел, ты думаешь в какое-нибудь ученое общество членом (ибо хороший литератор), нет, вошел солдатом в Парижскую национальную гвардию! Можно ли дожить до большего сраму?... Какое же будут иметь о русских понятие парижане?» ¹⁵. Часто о судьбе Полторацкого в Париже спрашивал в письмах к друзьям

¹¹ Н. Я. Эйдеман. Тайные корреспонденты «Полярной звезды», М., 1966, стр. 36—47.

¹² Подробнее см. О. В. Орлик. Россия и французская революция 1830 г. М., 1968, стр. 122—151.

¹³ См. там же, стр. 144.

¹⁴ «Красный архив», т. I (38), стр. 141—142.

¹⁵ «Русский архив», 1901, № 12, стр. 540.

П. А. Вяземский. Во многих московских и петербургских домах обсуждали, где со страхом, а где с восторгом, его дерзновенный поступок, рассказывали, что во время боев он был даже отмечен Лафайетом, который с ним «рукожатье обменял». Можно предположить, что по возвращении в Россию, Полторацкий делился впечатлениями о революции в Париже и с А. С. Пушкиным, который приступил в начале 30-х годов к исследованию истории Французской революции конца XVIII в.: он задумал нарисовать социальную картину крушения феодализма и мыслил довести ее до 1830 г., чтобы показать связь революционных событий.

Прожив под надзором полиции много лет в Авчурине, Полторацкий в конце 1847 г. вновь выезжает во Францию и становится свидетелем следующего революционного взрыва. Еще в 30-х годах он склонялся к мысли о возможности и даже необходимости новой революции во Франции, поскольку, как и многие его соотечественники, был разочарован результатами июльской революции. Когда новая революция началась, он встретил ее с воодушевлением.

Прекрасное знание Полторацким внутриполитической жизни Франции 30—40-х годов, его личные наблюдения за развитием революционных событий 1848 г., посещение политических клубов, заседаний Временного правительства и Учредительного собрания послужили основой для глубоких и содержательных оценок революции 1848 г. Но, понимая, насколько сложным был ход революции 1848 г., Полторацкий не считал себя вправе быть судьей ее, потому что все более активизировавшиеся народные массы в ходе революции ставили под сомнение прочность буржуазной республики, стремились перейти от политических выступлений к социальной революции. А это было ново и непонятно для многих современников. Полторацкий неоднократно проводил подобную мысль в письмах к друзьям в Россию, в которых подчеркивал, как например, в письме от 11 мая (н. ст.) 1848 г., что «рассказать будет что, но судить — едва ли не дерзновенно. Посмотрите, как события перегоняют самых дальновидных и предусмотрительных людей»¹⁶.

О своих впечатлениях по поводу революционных событий в Париже он писал П. Я. Чаадаеву, с сожалением отмечая, что рядом нет друга, с которым он мог бы разделить свои чувства. «Посреди бурь и смут, потрясших Лютецию *, не забыл я, любезный друг Петр Яковлевич, обещанную литографию¹⁷... Повторю сожаление мое, что подлинник не съездил сам со мною. Не мало бы он набрался впечатлений и ощущений... Тут набралось воспоминаний на остальную жизнь»¹⁸.

Сохранившиеся материалы Полторацкого о революции 1848 г. свидетельствуют, что это был не только очевидец и непосредственный участник событий, но интересный, вдумчивый исследователь, активный противник реакционных позиций царизма. Так, в письмах в Россию С. Д. Полторацкий раскрыл все возрастающую роль народных масс в революции. Уже в первых февральских письмах из революционного Парижа, оставившись на характеристике причин и основных действующих сил революции, Полторацкий отмечал, что именно народ, а не либеральная буржуазия, сверг монархию и добился провозглашения республики. «Расскажу то, чего я был свидетелем, — писал Полторацкий И. А. Бессонову на следующий же день после начала революции. — В 11 часов утра отправился я с Волковым Матв. Степ. ...¹⁹ к Madeleine. Все усыпано было толпою; покуда все это было тихо и чинно; некоторые шли попарно, длинным рядом и пели Парижанку и Марсельезу, довольно складно»²⁰. Разгон демонстрантов, часть из которых проникла в здание палаты депутатов, «но не вошла в Камеру и не ломала ничего», послужил толчком, по мнению автора, к развертыванию революционных событий; теперь уже весь Париж «был на улицах». 23 и 24 февраля народное восстание разрасталось с каждым часом, требовали не реформ, а свержения Июльской монархии.

¹⁶ Отдел рукописей Всесоюзной государственной библиотеки им. В. И. Ленина (далее — О. Р. ГБЛ), ф. 233, п. 2, № 54. Письмо из Парижа от 11 мая (29 апреля) 1848 г. И. А. Бессонову.

* Он называет Париж его древним именем.

¹⁷ Речь идет о сделанной в Париже литографии с портрета Чаадаева.

¹⁸ О. Р. ГБЛ, ф. 233, п. 1032, № 46, л. 1. Письмо из Парижа от 11 мая (29 апреля) 1848 г.

¹⁹ М. С. Волков — экономист, автор «Отрывков из заграничных писем 1844—1848» (СПб., 1857) и других работ.

²⁰ О. Р. ГБЛ, ф. 233, п. 2, № 53.

На сторону восстания переходила Национальная гвардия. «Дерутся не на шутку. — писал Полторацкий в том же письме 24 февраля, — каждый перекресток баррикадирован. Толпа бесчисленная, с ружьями и саблями пронеслась мимо нас к Карюзелю, кричали à bas Louis Phillipp»²¹. Выделяя главное, продолжал: «Король уехал, войско исчезло, и народ ворвался в Тюльер. Дворец [так в тексте], наполнил его во всем пространстве, из окон стреляли ружьями в верх; кидали оттуда бумаги, книги, мебель, мундиры... Все окна открыты, и из них народ кричал и пел Marseillaise... Вытащили из Дворца трон короля и несли его по саду, чтобы разбить и сжечь, — что и было исполнено»²².

Фактическая бездеятельность Временного правительства, созданного „народным заседанием“ после провозглашения республики, вызывала у Полторацкого разочарование так же, как и у некоторых других радикально настроенных современников. Видя, что новая власть не в состоянии удовлетворить основные требования революции, Полторацкий весьма интересовался тогда деятельностью политических и рабочих клубов, возникших после революции. Еще в марте он полагал, что при складывавшейся ситуации они смогут стать центрами организации сил против Временного правительства. Неоднократно посещая эти клубы, в том числе «Клуб освобожденного труда», он вносил в записную книжку — свой краткий дневник — сообщения о существе проходивших здесь дискуссий. Например, такие: «Mardi, 4 avril. «Клуб освобожденного труда» с 8 до 11 часов»; «9 avril, dimanche. В Париже находится теперь 50 малых и больших политических клубов, которые поставить могут целью свергнуть Временное правительство»; «11 апреля. «Клуб освобожденного труда». Заседание интересное... выступают против мер Временного правительства и системы de Blanc. Любопытно»; «30/18 апреля... с 8 часов вечера заседание общества... Председательствовал Blanqui»²³.

Не раз присутствовал он также на заседаниях Временного правительства и затем Учредительного собрания («4 мая, в день его открытия, с трудом достал билет, провел там более 8 часов») ²⁴, слушал прения представителей революционной демократии и буржуазного республиканизма и все больше убеждался, что последние ничего не делают для народа, «теряют время... в каком-то маразмном бездействии»²⁵.

Понимая, что декларируемое «братство летит к черту», Полторацкий, тяжело переживавший кровопролитные февральские бои, все же надеялся на мирный исход событий. Поэтому он не одобрил решительных действий народа, позицию Бланки 15 мая и вооруженного выступления пролетариата в июне. Но кровавая расправа буржуазии над участниками восстания глубоко потрясла его. Находясь тогда уже в Аахене, он с болью и негодованием писал об этом позорном факте даже в тех письмах, которые отправлялись обычной почтой, т. е. могли быть перлюстрированы цензурой. Так, он сообщал в Россию, что «нельзя без содрогания читать подробности о Парижских ужасах», «четыре дня происходивших... Волосы стоят дыбом. Что за ужас! Это гнусность»²⁶.

Полторацкий, видимо, не скрывал своего отношения к революции в кругу русских и французских знакомых и друзей, среди которых были русский изгнанник-декабрист Н. И. Тургенев, экономист М. С. Волков, французский журналист М.-А. Жюльен, ис-

²¹ Там же.

²² Там же. Зная, что письма в Россию проходят цензуру и могут быть задержаны, Полторацкий иногда в них делал такие приписки, которые должны были якобы свидетельствовать о лояльности взглядов и позиций по отношению к царскому правительству. Только друзья, хорошо его знавшие, могли расшифровать подлинный смысл таких фраз, понять их ироническое содержание. Так, например, в одном из писем он заявлял, что «старается чуждаться» «дел и смут политических» и что даже питает к ним «отвращение», а несколькими строками ниже сообщал: «Мы везде ездим, ходим... бывали на лекциях Кине и Легуве; перед Hotel de Ville в толпе, страшной числом и шумом, но не беспорядком; около Маделены в день похорон народных» (из письма к И. А. Бессонову от 20/8 марта).

²³ О. Р. ГБЛ, ф. 233, п. 4, № 48, л. 8—9, 12 и др.

²⁴ Там же, ф. 233; см. также письмо к П. Я. Чадаеву от 11 мая 1848 г. О. Р. ГБЛ, ф. 233, п. 1032, № 46, л. 1.

²⁵ Там же, ф. 233, п. 2, № 54 (письмо к И. А. Бессонову в Петербург из Аахена от 10/22 мая 1848 г.).

²⁶ О. Р. ГБЛ, ф. 233, п. 2, № 54 (письма И. А. Бессонову от 28/16 и 29/17 июня 1848 г.).

торик Эдгар Кине, польский революционер А. Савинский. С некоторыми из них он был знаком уже много лет, а с Жюльеном и Савинским его связывало совместное участие в июльской революции 1830 г. Во время революции 1848 г. Полторацкий продолжал также участвовать в журнале «Revue encyclopédique», который тогда особенно стремился укреплять контакты с «учеными, публицистами, литераторами... всех наций»²⁷.

Полторацкий направил 30 апреля 1848 г. в «Journal des Débats» протест по поводу перепечатки в этом издании из «Северной пчелы» клеветнических статей Булгарина и Греча о революции²⁸, которые расценивались журналом как якобы выражение мнения всей России. Вот, что писал Греч в этой газете 16 марта 1848 г.: «Все гибнет и пропадает, а в газетах толкуют об успехах, о процветании, о благоденствии Франции... Правительство, состоящее под тиранниєю радикалов и предводителей тайных обществ, действует с величайшим деспотизмом... Республика имеет мало искренних приверженцев, но они репительные и отчаянные злодеи, на все готовые... При общем смятении, обуявшем всю южную и западную Европу, взоры всех благочестивых, честных и благонамеренных людей обращаются на наше любезное отечество, твердое верою в бога, любовью к царю, надеждою на торжество добра и правды». В кратком, но чрезвычайно выразительном и даже гневном письме к редактору «Journal des Débats» Полторацкий, резко критикуя позиции Булгарина и Греча, заявил, что их мнение — это не мнение всей России и что «Северная пчела» в своих выпадах против Франции «не выражает отношения России». Как писал Полторацкий, ««Северная пчела» из Петербурга, в которой эти два господина выступают в качестве проповедников (в действительности, они Рёгес—Duchênes абсолютизма), есть, однако, только орган этих двух предателей и отступников. Настало время, чтобы Европа узнала и чтобы она не считала нечистоплотную «Северную пчелу» органом просвещенных, здравомыслящих и беспристрастных русских»²⁹.

Он назвал Булгарина и Греча также ставленниками царской полиции, отметив, что «известный поэт Пушкин написал по этому поводу эпиграмму на Булгарина, язвительную, но весьма справедливую»³⁰.

В архиве Полторацкого сохранился черновик статьи, которую он предполагал опубликовать во Франции, дабы показать действительное отношение русской общественности к французской революции. В ней он развивал отмеченные выше взгляды. Не исключено, что именно французские друзья, симпатизировавшие прогрессивно настроенной русской интеллигенции, утвердили Полторацкого в мысли о необходимости заставить «Journal des Débats» напечатать его статью и, таким образом, публично заявить о действительном отношении к французской революции общественности России. Полторацкий, критикуя непоследовательность таких органов французской печати, как «La Presse», «Gazette de France», дал также весьма меткую характеристику поведению «Journal des Débats». «„Débats“ поджал хвост,— писал он 20 марта,— просит пощады и свободы своим экс-монархическим мнениям, но гладит республику. Это вечная его роль; он всегда служит богу и Мамоне». Действительно редактор журнала, видимо, не решился опубликовать ни письмо в редакцию, ни статью Полторацкого, резко высказавшегося против позиций царизма. И тем не менее сам факт выступления Полторацкого от имени передовой России, противопоставление ее отношения к революции отношению реакционных сил, что несомненно не осталось тайным для его французских друзей, имел немаловажное значение.

50—70-е годы XIX в. Полторацкий прожил за границей, из них много лет во Франции. Он поддерживал контакты с Н. И. Тургеневым, А. И. Герценом, И. С. Тургеневым, со многими французскими деятелями. Но об этом периоде сохранилось мало материалов. Шли годы, все меньше друзей оставалось в России, ослабевала переписка. Видимо, далеко не все документы из его парижского архива были перевезены после смерти в Россию³¹. И тем не менее некоторые сохранившиеся материалы за 1870—

²⁷ Там же, ф. 233, п. 3, № 97, л. 1.

²⁸ «Северная пчела», 16, 24, 27.III. 1848.

²⁹ О. Р. ГВЛ, ф. 233, п. 13, № 34, 35, л. 5.

³⁰ Там же, ф. 233, п. 13, № 35, л. 1.

³¹ С. Д. Полторацкий скончался 19 января 1884 г. в Нёльи, близ Парижа.

1871 г. дают возможность считать, как справедливо отмечал В. Орлов, «что его репутация вольнодумца оставалась непоколебленной»³².

После падения империи Наполеона III в результате революции 4 сентября 1870 г. франко-прусская война стала со стороны Франции войной освободительной, что вызвало подъем патриотических чувств во французском народе, всколыхнуло народные массы, пробудило их к активной деятельности, что впоследствии явилось залогом совершения новой революции 18 марта 1871 г., уничтожения буржуазной власти и создания первой пролетарской власти — Парижской коммуны. Все это наблюдал наряду с другими соотечественниками и С. Д. Полторацкий. В тот период, как отмечал Полторацкий, он много писал в Россию, стремясь как можно объективнее информировать о событиях в Париже, особенно о настроениях народных масс. Одно из дошедших на родину писем им было прислано с целью публикации в печати. Оно было отправлено в октябре 1870 г. из осажденного Парижа «по воздушной почте», на аэростате и уже 13 октября по старому стилю опубликовано в «Московских ведомостях». Как и вся русская печать, эта газета тоже весьма нуждалась в новых парижских материалах и поэтому решилась опубликовать выдержки из письма-статьи Полторацкого, допустив тем самым либеральную вольность.

В редакционном предисловии к письму сообщалось, что оно написано с целью информировать соотечественников об истинном положении в Париже после революции 4 сентября, и далее указывалось: «За сим предлагаем выдержку из обязательно сообщенного нам письма нашего соотечественника С.Д.П., известного всем в Москве и всем bibliофилам в России»³³. Ниже приводится с некоторыми купюрами текст этого письма:

«Париж, 13-го (1-го) октября.

Вот уже длинные 25 дней как я не имею ни откуда известий. Париж обложен — кругом, и все сообщения прерваны. Необходимость сношений со внешним миром побудила изобрести особый путь и употребить в дело аэростаты. Я отправил уже этим путем множество писем... Судьба привела меня быть свидетелем трех революций в Париже; я видел его в самых разнообразных положениях, но то, что совершается теперь перед моими глазами выше всякого описания. Едва ли когда-нибудь можно встретить столько деятельности, самоотверженности, ревности, энтузиазма, и вместе с тем порядка и спокойствия... Ничего подобного не случалось мне видеть в продолжении моей многолетней жизни, ничего подобного я не мог никогда вообразить себе. При виде этого населения, которое всецело отдает себя спасению и защите отечества с полною готовностью переносит все страдания и лишения, вы чувствуете к нему глубочайшее уважение».

Полторацкий резко обличал старую империю Луи Наполеона, писал о ненависти народа к ней: «Когда месяц тому назад рухнула империя, искупая свои двадцатилетние преступления бесславным падением и неслыханным в истории позором, она не оставила в Париже ни одного солдата для ее защиты!!»

Весной 1871 г. в ответ на свои сообщения из Парижа он получил несколько писем от П. А. Вяземского из Висбадена. Из них видно, как по мере нарастания нового революционного взрыва в стране и особенно после утверждения Парижской коммуны менялось отношение консервативно настроенного на закате дней Вяземского к другу, восприятие которым происходивших событий было для Вяземского неприемлемым. В начале 1871 г. Вяземский еще участливо и с волнением спрашивал, как выдержал Сергей Дмитриевич «тяжелую парижскую осаду», и надеялся, что «дни испытания» для него «миновались», хотя «миновались ли они для Франции... это еще вопрос?»³⁴. В апреле же после получения неизвестного нам письма от Полторацкого, в котором тот, как можно себе представить по ответу Вяземского, выражал сочувствие и даже одобрение революции 18 марта, его отношение к Полторацкому становится недоброжелательным. Он сообщает, что знает уже больше, чем пишет Полторацкий, так как «род телеграфической депеши твоей дошел до меня только сегодня. Видно, что Ваши телеграфические голуби и воздушные гамбетовские шары идут медленнее, чем революционные

³² В. Орлов. Указ. соч., стр. 235.

³³ «Московские ведомости», 13.X.1870.

³⁴ «Новь», 1885, № 9, стр. 94.

события ваши»³⁵. И в связи с этим откровенно не одобряет отношение к ним Полторацкого. Тогда-то и появляются уже процитированные нами ранее строки письма Вяземского, которые свидетельствуют, что Полторацкий не только одобрял, но даже праздновал все революции, и особенно те, «которые совершаются в наше время». Тогда же, вспоминая события более чем сорокалетней давности, а именно участие Полторацкого во французской революции 1830 г., он не преминул еще раз упрекнуть его за симпатии к новой власти и ядовито замечал: «Любопытно знать, чью руку целовал ты ныне за неимением лафайетовской?»³⁶. Здесь же Вяземский, звавший о внимании Полторацкого к Герцену, просит его сообщить, что за «Сборник посмертных статей Герцена» (о нем он узнал из русских журналов), напечатан ли он в Париже и может ли Полторацкий достать и выслать этот сборник ему?³⁷.

Не одобряя отношение Полторацкого к революционным событиям в Париже, Вяземский, однако, считал, что он должен написать о них специальную работу, которая, несомненно, «имела бы много читателей»³⁸. В связи с этим он спрашивал: «Вел ли ты свой дневник?» Еще нельзя ответить, вел ли в те 72 дня, которые продержалась Коммуна, свой дневник Полторацкий и шла ли потом работа над книгой о ней. Пока можно только предполагать, зная его отношение к французскому народу, к его революционной борьбе, что многое из истории последней наблюдаемой им революции отразилось в эпистолярном наследии Полторацкого. Дальнейшие поиски помогут, видимо, раскрыть и новые, еще неизвестные страницы его биографии, расширить представление о его деятельности во французских революциях.

Как писали современники, «С. Д. Полторацкий принадлежал к числу тех людей, которые в кругу ученых оставляют живую и дорогую память»³⁹. К этому можно добавить — его имя было связано также с общественно-политической борьбой в России и во Франции, он внес свой посильный вклад в укрепление русско-французских общественно-революционных контактов в XIX в.

³⁵ Там же.

³⁶ Письмо было получено Полторацким 19 апреля 1871 г. После смерти оно было передано его женой наряду с некоторыми другими материалами в редакцию журнала «Новь».

³⁷ Этот сборник был издан в 1870 г. в Женеве. В него вошла одна из важнейших статей Герцена «К старому товарищу». — *Прим. автора.*

³⁸ «Новь», 1885, № 9, стр. 94.

³⁹ «Исторический вестник», т. 16, 1884, стр. 354.